

УДК 59 (092)

ГЕРПЕТОЛОГ АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ БОЖАНСКИЙ

© 2013 М.В. Мирутенко*

Российский государственный аграрный заочный университет, г. Балашиха (Россия)

Поступила 04.03.2013

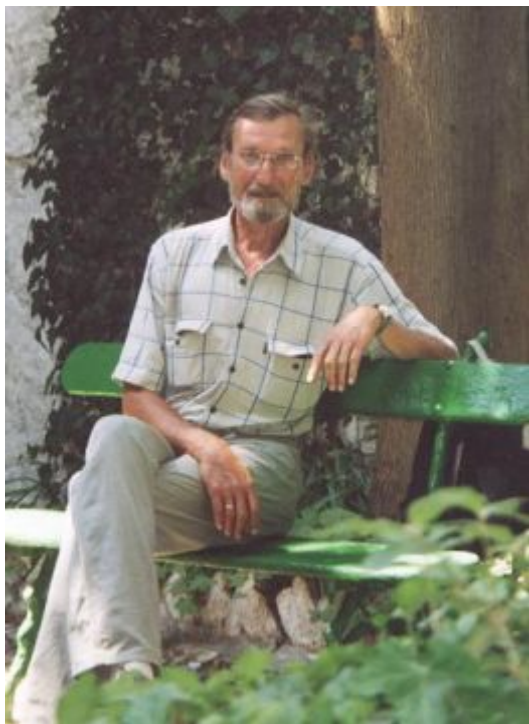
Статья посвящена памяти герпетолога А.Т. Божанскому (1948-2007).

Ключевые слова: герпетология, А.Т. Божанский.

Mirutenko M.V. HERPETOLOGY ANATOLY T. BOZHANSKY – The article is dedicated to the memory herpetologist A.T. Bozhansky (1948-2007).

Key words: herpetology, A.T. Bozhansky.

17 мая 2013 г. Анатолию Тимофеевичу Божанскому исполнилось бы 65 лет. Многие из того, что написано о нем ниже, уже опубликовано – и в периодических изданиях, и в Интернете. Но здесь сделан акцент именно на герпетологической составляющей его жизни. Кроме того, мои воспоминания дополнены воспоминаниями друзей-герпетологов: В.Ф. Орловой, Ю.Д. Хомустенко, Г.В. Пылиновой, Р.Ю. Пушкина.

А.Т. Божанский родился в 1948 г. в семье военного, всю жизнь прожил в подмосковной Балашихе. О своем социальном происхождении Тимофеич (так называли его очень многие друзья всю жизнь) говорил: «Я – юный натуралист из интеллигентной семьи». Конечно, отец хотел, чтобы сын стал военным. Но весной 1971 г. Анатолий Тимофеевич, окончив естественно-географический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской по специальности «биология и химия», стал работать в Центральной лаборатории охраны природы Минсельхоза СССР (с 1979 г. – Всесоюзный научно-

исследовательский институт охраны природы и заповедного дела при Минсельхозе СССР, «ВНИИприрода»), где и прошла в основном его герпетологическая жизнь.

* *Мирутенко Марина Вадимовна*, кандидат географических наук, mirboa@list.ru

Началось все с работы в Дарвинском заповеднике на Вологодчине с З.В. Беловой. Он несколько лет подряд уезжал туда еще по снегу и возвращался только осенью. Именно там, в светлых лесах, сохранившихся по берегам Рыбинского водохранилища, в дремучих медвежьих ельниках со старыми угольными ямами, на таежных клюквенных болотах постигал юный герпетолог Божанский особенности формирования лесных биоценозов и эволюции экосистем под воздействием антропогенных факторов, закономерности распределения животных по биотопам.

В середине 1970-х гг. состоялось несколько экспедиций по северо-западным областям России. Именно тогда Анатолий Тимофеевич заинтересовался обыкновенной гадюкой. В.Ф. Орлова, выяснила, перелистав инвентарные книги отдела герпетологии Зоомузея МГУ им. М.В. Ломоносова, что первые переданные Божанским в музей экземпляры обыкновенной гадюки были добыты им в Вологодской и Ярославской областях в 1974 г.

Численность гадюки в этих районах всегда была очень высокой, и здесь проводили ежегодные отловы для Московского серпентария. Естественно, что вопрос о ресурсах вида был очень актуален: тогда еще только начинали разрабатывать щадящие подходы к содержанию змей и ядовзятию. Поэтому отход в серпентариях был огромным, а спрос на яд очень высок, и нужно было четко представлять, сколько и где можно отлавливать гадюк без ущерба для состояния вида. В те годы у Толи появились друзья, которые прошли с ним по всей жизни – Р.Ю. Пушкин и А.В. Огнев. Они тогда были только студентами, и Тимофеевич стал для них не только другом, но и учителем. Вот как вспоминает об этом Р.Ю. Пушкин: «...началась наша с ним полевая эпопея. Московская, Тверская, Архангельская области, Карелия. Переворачивались дважды через крышу на его «Жигулях» в Тверской, блуждали ночами в болотах под Котласом. И даже через много лет Толик помнил все маршруты, все стоянки – досконально каждую экспедицию. Удивительный человек: к нему совершенно не приставала грязь. Не только нечестность, подлость, пошлость. Даже просто грязь как физическое явление. Он мог проработать в экспедиционных условиях в светлой футболке и не менее светлых штанах и вернуться в Москву, как будто и не было глины, тины и золы. Аккуратен во всем – в ведении документации, обработке материалов, оформлении отчетности, и во всем прочем. Однако это не было самоцелью и никак не сказывалось на окружающих. Им доставались доброта, остроумие, готовность помочь и завораживающая работоспособность. Расшифровывать наши полевые дневники, втолковывать методики расчета плотности и запаса, рисовать карты и графики – вся эта рутинная (она же – научная деятельность) доставалась ему. Не знаю – легко ли, тяжело это давалось, но проделывалась с виртуозной аккуратностью, ответственностью, профессионализмом и любовью».

К концу 70-х годов во «ВНИИприрода» сложилась необычайно творческая атмосфера, густо замешанная на профессионализме, энтузиазме,

романтике и товариществе. Здесь в разное время работали корифеи отечественной охраны природы – А.Г. Банников, В.Е. Флинт, С.М. Успенский, Н.А. Гладков, Е.Е. Сыроечковский, Э.В. Рогачева, Л.П. Никифоров, В.Л. Рашек, Л.В. Жирнов, Я.В. Сапетин, А.М. Чельцов-Бебутов, Л.В. Денисова, Ю.П. Язан. А в семидесятых вошли в пору расцвета и относительно молодые профессионалы – П.П. Второв, В.М. Макеев, А.Н. Головкин, Ю.М. Щадилов, В.А. Бычков, С.Е. Беликов, Л.В. Кулешова, Г.В. Хахин и еще многие другие.

Это было время создания Красной книги СССР, формирования программ по сохранению редких видов животных, создания концепции сети особо охраняемых природных территорий, проектирования и организации новых заповедников. Во главе отдела охраны животного мира стоял тогда один из крупнейших деятелей охраны природы нашей страны – В.Е. Флинт, ставший на долгие годы главным авторитетом и любимым учителем не только для Тимофеича.

А.Т. Божанского очень уважали коллеги других специальностей. Будучи классным специалистом в узкой области, он вместе с тем обладал широким научным кругозором, высоким уровнем зоологической эрудиции и географическим стилем мышления. Это позволило ему стать одним из участников разработки законодательных и нормативных актов по охране природы – Закона об охране природы, Закона об охране животного мира, которые создавались в те годы при участии коллектива «ВНИИприрода». В те годы была ратифицирована Конвенция по торговле видами дикой флоры и фауны, «ВНИИприрода» стала научным органом СИТЕС, а А.Т. Божанский – его экспертом. К концу 1980-х годов появилось новое направление деятельности – экспертиза различных хозяйственных проектов по разделу «животный мир». А.Т. Божанский был обязательным участником этих творческих коллективов.

В 1978 г. начала свою работу Туркменская экспедиция института «ВНИИприрода». Руководителем и вдохновителем этой эпопеи был В.М. Макеев, в те годы – один из самых авторитетных герпетологов страны. Одной из основных задач экспедиции была разработка программ сохранения редких видов рептилий. Для этого нужно было покрыть территорию Туркмении сетью многолетних учетных маршрутов для выявления распространения и численности змей, ящериц и черепах. Поэтому требовались не просто герпетологи, но выносливые и опытные люди, способные много ходить, обращаться с ядовитыми животными и переносить все тяготы маршрутных обследований в пустыне. За десять лет существования Туркменская экспедиция собрала уникальный материал по населению рептилий и герпетофауне Центральных и Заунгузских Каракумов, Копетдага, долины Аму-Дарьи, Мургаба, Тенгиза, Капланкыра.

Вот как вспоминает об этом Ю.Д. Хомустенко (кстати, это именно его руки со змеей попали в фильм «Змеелов»): «Начиналось все каждой весной на протяжении десяти лет весьма банально и буднично – в Ашхабад

прилетали из Москвы руководитель группы В.М. Макеев и А.Т. Божанский. И, как это принято было в Средней Азии, первый обходил обязательные приемы и достарханы, проводя переговоры о возможных пунктах исследований, а второй, то есть Толя, проводил все закупки, подготавливал маршрутные листы, дневники, узнавал по возможности больше о местах намеченных маршрутов и т.д.

А через некоторое время к нам присоединялись остальные члены экспедиции. За годы работы экспедиции в составе нашей группы, кроме профессионалов, побывало много увлеченных любителей природы. И не всегда они отвечали нужным для работы навыкам. Вот им-то и помогал Толик правильно заполнять дневники, проводить учеты, соблюдать технику безопасности. Зачастую многие видели ядовитых змей только в кино или в книгах, и встреча в природе с коброй или гюрзой могла закончиться весьма печально. А мы все отлынивали от этих предэкспедиционных дел, посмеивались над дилетантами. Толя же относился и к нам, и к новичкам, как родной отец: придиричиво строго, внимательно и всегда с большим уважением. Никогда за все поездки никто не пытался оспорить какое-либо его решение или просто совет, это просто было настолько органично и всегда своевременно, хотя к тому времени уже многие из нас уже имели достаточный опыт работы в полевых условиях. А самой расхожей фразой у нас было обращение руководителя экспедиции Виктория Михайловича к Толику: «Толя, нам надо...». И это значило, что Толя должен был обдумать, как и что сделать и подключить по необходимости всех остальных. У него всегда было чуть больше ответственности, обязанностей и дел чем у других. И, я думаю, наши экспедиции просуществовали и давали плодотворный герпетологический материал в большой степени именно благодаря Божанскому.

А занимались мы герпетологическими учетами и экологией рептилий. Ну, конечно и по окончании экспедиции, Толя как всегда брал на себя самое трудоемкое – расшифровку полевых дневников, составление общего отчета, согласования его со всеми участниками. В итоге появлялись статьи, карты, научные отчеты, материалы для защиты диссертаций и всевозможные научно-популярные публикации.

И сегодня, листая полевые дневники, я вижу перед глазами долговязую фигуру Толика Божанского с полевой сумкой за плечами, дневником в одной руке и «крючком» для ловли змей в другой».

Туркмения стала для Тимофеича вторым домом, а товарищи по экспедиции – семьей и навсегда самыми любимыми друзьями. В экспедициях Тимофеич был необычайно гармоничен. Нужно подчеркнуть, что герпетолог – очень опасная специальность. И, как никакая другая, связана с взаимовыручкой, доверием, самоотверженностью и профессионализмом товарищей. Про Тимофеича в поле В.М. Макеев как-то сказал: «Если змею держит Божанский, значит, я совершенно спокойно могу считать щитки на ее голове».

На фоне тяжелой профессиональной работы он умел все – и варить суп «из топора», и поставить палатку во время песчаной бури, и налаживать примитивную лагерную технику, и устроить баню посреди пустыни. А еще он привносил в мужицкий дух экспедиции интеллигентность и даже эстетику. Эти его качества особенно пригодились, когда в экспедиции стали появляться женщины.

Как герпетолог, А.Т. Божанский сформировался к концу 1970-х годов, постепенно приобретая известность и авторитет среди коллег в стране и за рубежом. Его знаниями пользовались работники Московского зоопарка и Московского серпентария, ученые из отдела герпетологии Зоологического музея МГУ. С В.Ф. Орловой Тимофеича многие годы связывали общие научные интересы и человеческая симпатия. Вот что вспоминает она: «С Толей мы были знакомы более 30 лет, нас связывали профессиональные и дружеские отношения – он был хорошим зоологом и надежным другом. Мне и многим моим коллегам его очень не хватает! ... Его сборы, сделанные в экспедициях по Кавказу и Средней Азии, хранятся в фондах музея. Последнее, что А.Т. привез в 2005 г. по моей просьбе – это живородящие ящерицы из ЯНАО.

В 1992 г. мы с Толей ездили в Белоруссию ранней весной на отлов гадюк. Он прекрасно знал, где можно найти змей после выхода из спячки, и получилось так, что мы добыли намного больше гадюк, чем несколько змееловов С.В. Косова. Гадюк тогда ловили, чтобы взять у них яд для изготовления некоторых медицинских препаратов. Там мы впервые увидели живых гадюк Никольского, а через 5 лет мы их наблюдали в природе на склоне с цветущим диким миндалем в Хоперском заповеднике. В Москве мы регулярно встречались на семинарах, готовились к участию в герпетологических конференциях, одну из которых (по гадюкам) подготовили и провели во ВНИИприроде. Вместе с А.Т. мы собирали информацию по картированию ареалов земноводных и пресмыкающихся европейской части России для Атласа амфибий и рептилий Европы, который был опубликован Европейским герпетологическим обществом. Наши с Толей тезисы, опубликованные в Праге на очередном съезде Европейского герпетологического общества, и стендовое сообщение с картой местонахождений гадюки Никольского и ссылкой на данные Бакиева А.Г. 1995 г., послужили началом интенсивного многостороннего изучения гадюк комплекса *Vipera berus*. С тех пор минуло уже 25 лет, однако однозначных ответов на многие вопросы, касающихся гадюк этого комплекса, еще не получено».

В начале 1980-х Тимофеич много времени проводил, кроме Туркмении, и на Кавказе, собирая материал для диссертации по кавказской гадюке. Кавказский заповедник стал для него еще одной любимой точкой на земле. Он провел там несколько полевых сезонов, но уже не в большой экспедиции, а, как правило, с кем-то из товарищей – Д.В. Семеновым, С.В. Кудрявцевым, А. Рудковым. На основе этих полевых исследований и наблюдений за

кавказской гадюкой в неволе были сделаны заключения, расширившие представления об этом редком животном.

В годы работы Туркменской экспедиции А.Т. Божанский очень внимательно изучал имевшийся на то время опыт содержания рептилий в неволе. Это были наблюдения и за работой террариума Московского зоопарка, и Московского серпентария, и целого ряда коммерческих и научных серпентариев в Туркмении и других республиках Средней Азии. Этот опыт пригодился при подготовке программ разведения редких видов змей и создания теоретических основ зоокультуры рептилий. Когда «ВНИИприрода» стала научным органом СИТЕС (Конвенция по торговле видами дикой флоры и фауны), А.Т. Божанский стал его экспертом. Одно время Департамент по природопользованию Правительства Москвы привлекал его для экспертизы при борьбе с незаконной торговлей изделиями из змеиной и крокодиловой кожи.

После ухода из «ВНИИприрода» только в отпуске, благо у преподавателей он был продолжительным, Тимофеич мог поработать герпетологом. И это было главной причиной, по которой он соглашался участвовать в том или ином проекте. Обычно это были прикладные исследования, связанные с каким-нибудь строительством. Но иногда получалось и сделать что-то по собственной инициативе. Например, в середине 90-х годов Тимофеич вдвоем с нашей подругой и коллегой Г.В. Польшовой получил грант фонда Маккартуров на проектирование в Астраханской области герпетологических заказников. Мы уже были хорошо знакомы с территорией: именно с Астраханской области начинались в свое время работы по созданию региональных кадастров животного мира, а Тимофеич вел в этом проекте герпетологический раздел. Ему было где развернуться, потому что в Астраханской области разнообразие рептилий и амфибий велико, как мало где еще в России. Эти работы были довольно продуктивными, потому что два региональных заказника удалось даже утвердить – «Пески Берли» и «Балхуны», а собранные во время учетов материалы были использованы при написании разделов Красной книги Астраханской области.

Вот как Г.В. Польшова трогательно вспоминает это время: «Что можно сказать о нем как о коллеге-герпетологе? Широко эрудированный, прекрасно знающий фауну и не только герпето-, всегда готовый прийти на помощь с характерной для него в отношениях с людьми тактичностью. Скромность Толика была его несомненным достоинством, но в некоторой степени и недостатком. Из-за его скромности я не сразу поняла, каким разносторонне знающим человеком был Божанский! Зато потом я это оценила в полной мере: с ним было всегда не только надежно и уютно, но и очень интересно. В поле – неутомимый исследователь, но на маршруте с ним было легко, мне за ним, длинноногим, никогда не приходилось бежать как Пятачку за Винни-Пухом. Вечером были бесконечные байки о науке и обо всем и всех у костра или на кухне противочумки. А рассказчиком он был очень самобытным.

Толик, Толик! Милый друг! Сколько маршрутов вместе не пройдено, сколько материалов вместе не собрано и никогда уже не будет обработано. Как было бы здорово снова посидеть на Большом Богдо у кизякового костра... В моем доме многие вещи напоминают о нем: вот черепаха-магнит над плитой, вот черепаха из оникса – подарок на мой последний для него день рождения. Любимый роскошный нож у мужа – тоже подарок Божанского. Мы назвали нашу машину Тимофеичем, потому что она также надежна. Но я тоскую по нашей первой буханке-уазику, на котором мы вместе путешествовали по астраханским пескам. Я – сзади, а водителем или лоцманом – Толик Божанский. А впереди – бесконечная дорога будущей экспедиции».

В конце 90-х три года подряд во время отпуска Тимофеич работал в окрестностях Озерейки под Новороссийском, участвуя в разработке раздела ОВОС по проекту Каспийского трубопровода. Там ему было, что делать как герпетологу: еще сохранилась средиземноморская черепаха, встречалась средняя ящерица, многочисленные желтопузики пугали отдыхающих и дачников своей змеевидностью. Да и квакш было множество. Толя провоцировал самцов на «пение» с помощью диктофона, фиксировал встречу, а за время, пока раззадоренное животное, ничего не замечая, орало, Тимофеич делал фотографию. Он вообще много фотографировал животных. В его архиве почти $\frac{3}{4}$ всех слайдов посвящены им. Чтобы сделать нужный портрет, он прибегал к разным уловкам. Рептилий чаще всего клал ненадолго в холодильник (если он был).

В 90-е годы в жизнь А.Т. Божанского пришло еще одно направление деятельности. Он стал бессменным участником проектов Научного центра «Охрана биоразнообразия» по созданию кадастров животного мира. Сначала это была Астраханская область, потом – Псковская, и, наконец, грандиозная десятилетняя работа над кадастром животного мира Ямало-Ненецкого округа. Именно в процессе кадастровых работ А.Т. Божанский изучал экологические особенности земноводных и пресмыкающихся, определяющие возможность количественных оценок ресурсов этой группы животных. Исследование закономерностей распределения рептилий и амфибий в бедных рептилиями северных районах удивительным образом помогли Тимофеичу сформулировать тему и наметить красную линию будущей докторской диссертации. Экспедиции в Красноселькупский район ЯНАО в 2004 и 2005 гг. стали последними в жизни Тимофеича.

Наверное, нужно написать о том, что за идея – оценка ресурсов амфибий и рептилий. Большинство «чистых» зоологов и часть сугубых охотоведов считает, что речь идет о «рогах и копытах» – так я образно определяла утилитарный подход к трактовке этого понятия. Естественно, это и на самом деле – пушнина, мясо и все остальное. В отношении герпетофауны в таком ракурсе можно рассматривать только таких ее представителей, как лягушки, которых едят, и немногих обладателей прочной и красивой кожи. К нашим змеям и ящерицам это применимо мало, поскольку они очень малы, а шкурку имеют тоненькую. Разве на ремешки для часов или браслетики подойдут.

Лягушек у нас не едят, но учеты и оценки ресурсов в Астраханской области провести пытались – какие-то бизнесмены выходили на Тимофеича, хотели наладить экспорт во Францию.

Но есть и совершенно уникальный ресурс. Это – змеиный яд. Его давно и небезуспешно изучают биохимики во всем мире. И не только с целью получения противоядий и сывороток. Дело в том, что яд змей каждого вида уникален по своему составу и имеет чрезвычайно сложную формулу. Из ядов выделяют огромное количество активных веществ, многие из которых уже нашли применение в фармацевтике. И именно для того, чтобы сохранить неповторимые и неизвестные пока свойства змеиных ядов, нужно очень внимательно изучать и оценивать их количество и «запасы».

И еще одно направление, требующее оценки ресурсов – это зооторговля. В последние десятилетия ее объем в мире неуклонно растет и уже сопоставим с оборотом оружия и наркотиков. И поскольку далеко не все виды разводятся в неволе, очевидно, что при непременном росте спроса очень скоро встанет вопрос о ресурсах. Конечно, в первую очередь это касается экзотических видов, но ведь наши гадюки и ящерицы – экзотика для арабских стран и Южной Америки. Значит, нужно считать, чтобы хотя бы представлять, сколько это может стоить. И здесь уместно упомянуть, что работа А.Т. Божанского в Ямало-Ненецком округе показала, что 70% стоимости наземных позвоночных животных округа (а это десятки миллиардов рублей) составляют именно лягушки!

Конечно, были и змеиные укусы. Редкий герпетолог избегает их. Тимофеича кусали ровно 10 раз: наши гадюки и – в Казахстане – щитомордник. Он признавал, что это всегда было связано с ошибками, как правило, из-за азарта. Самым тяжелым был случай в 1992 г. в Псковской области, потому что в тот сезон прошло всего полгода после того, как Толе оперировали прободную язву и вырезали $\frac{3}{4}$ желудка. И комок змей, который он решил распутать, не надо было трогать.

Последний раз его зацепила степная гадюка в 1999 г. на Эльтоне, где мы участвовали в работах по обоснованию организации в тех местах заповедника. Силы и организм уже были не те, что в молодости, поэтому через пять минут после укуса Тимофеич стал задыхаться и терять сознание. Слава Богу, мы были не одни, на машине, и аптечка тоже была. А еще была целебная эльтонская рапа. Без особой надежды сделали компресс, и через сутки от укуса фактически не осталось следа, исчезли отек и вздутые лимфоузлы. Тимофеич даже собирался написать куда-нибудь по поводу использования эльтонской грязи и рапы при терапии змеиных укусов и профилактики некрозов, обычных в этих случаях.

Вообще Тимофеич крайне остро реагировал на проявления повсеместной врачебной некомпетентности в отношении лечения змеиных укусов. В Балашихе он даже пару лет читал лекции для местных врачей, поскольку по Подмосковию последние годы число пострадавших действительно увеличилось из-за наступления дачного строительства на

традиционные места зимовок гадюк. И главный совет и его, и его коллег (а среди них есть и профессиональные врачи) – после укуса гадюк нужно срочно принять какой-нибудь антигистаминный препарат – начиная от димедрола и кончая современными, что есть. И ничего не прижигать, не резать, не перетягивать. Побольше пить и терпеть боль, все пройдет. Исключения – дети, но и здесь нельзя отдавать ребенка для введения незнамо каких сывороток. Сыворотки должны быть видоспецифические! Сколько Толя с друзьями-коллегами бились, чтобы наладить их производство, так ничего и не получилось.

Всю жизнь в доме у Тимофеича жили какие-нибудь животные. Первая черепаха появилась в доме в 1960 г., ее Толя сам нашел в горах под Геленджиком. Конечно, в дальнейшем в доме жили змеи и ящерицы. Нельзя сказать, что он был страстным коллекционером, или ставил себе какие-нибудь конкретные цели при разведении рептилий. Просто было интересно наблюдать за ними, и потом часто ему дарили какие-нибудь экземпляры. Он и сам много раз пристраивал «в хорошие руки» каких-нибудь крокодильчиков или питонят.

Постоянно содержать рептилий дома очень непросто, потому что требуется очень четкое соблюдение климатических параметров, чего трудно достичь без специального оборудования. Кроме того, змеи и ящерицы традиционно вызывают у людей страх и отвращение, поэтому поручить ухаживать за террариумом домочадца в период отсутствия (а Толи не было месяцами), было опрометчиво. Тем не менее, сохранились воспоминания о том, как мама кормила крокодила, как убегал удав и происходили прочие обычные герпетологические приключения. Но опыт содержания животных, тесный контакт с герпетологами любителями и профессионалами из зоопарка, постоянный обмен опытом и информацией, сделал А.Т. Божанского весьма компетентным в вопросах о содержании и, что очень важно, размножении змей в неволе. Еще в 80-годы он выпустил методические разработки, которые до сих пор актуальны, есть и более поздние работы. Много раз Толин опыт использовался при организации каких-либо предприятий – от промышленных серпентариев до частных коллекций.

Здесь уместен еще один фрагмент из воспоминаний Р.Ю. Пушкина: «Как продолжение своей жизни в науке Толик воспринимал деятельность популяризационную. В Московском клубе террариумистов выступал в качестве консультанта на первых выставках террариумов. Когда практически не было никакой информации по содержанию террариумных животных, и любители все познавали на собственном опыте методом «тыка», он стремился популярно излагать и внедрять основы научного подхода. Людям, далеким от биологии, ухитрялся доступно объяснять принципы систематики, биогеографии, экологии амфибий и рептилий. И у многих, кроме чисто эстетического интереса, появлялся интерес к герпетологии как науке. Так его

учениками становились не только ребята стремящиеся посвятить себя герпетологии, но и просто любители».

А.Т. Божанский был герпетолог старого поколения. Это означает, прежде всего, профессионализм. Сегодня герпетология – это уже не та сфера, которой герпетологи-профессионалы посвящали всю жизнь. Невиданный размах приобрела торговля животными, в среде любителей витает душок наживы, абсолютно чуждый Тимофеичу. Сейчас стало легко приобретать и держать дома редких и не очень гадов, а многие любители в силу доступности любой информации через интернет, знают свой объект содержания не хуже иного специалиста. Благодаря популяризации герпетологические работы как-то потеряли уникальность, а герпетологи – налет исключительности. И экспедиции в любое зарубежье сегодня организовывать несравнимо легче, поэтому молодым людям на внедорожниках не понять, что такого – четыре раза с юга на север и обратно за весенний сезон пересечь Каракумы на грузовике с навесом из оцинкованного железа...

Но все, что есть сегодня научного в систематике и биологии рептилий, их содержании и отлове, учетах и оценке ресурсов, данных по географии и экологии, появилось благодаря таким ученым, как А.Т. Божанский.

16 июня 2007 г. его не стало. На памятнике написано: «Зоолог Анатолий Тимофеевич Божанский». И нарисована черепаха с постера, подаренного участникам Первого всемирного герпетологического конгресса в Кантерберри.